

СУСЕКИ

The background of the cover is a watercolor illustration. It depicts a landscape with a river or stream flowing through it. On the left, there are buildings, possibly a village or town. In the center, a bridge or a path crosses the water. The colors are muted and earthy, with shades of brown, green, and blue. The overall style is soft and artistic.

Юрий Бацурев

16+

Юрий Бацуев

Сусеки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бацуев Ю. А.

Сусеки / Ю. А. Бацуев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга «Сусеки» – это условный «Колобок», слепленный из содержимого творческих закров – сусеков. Кроме штрихов к автопортрету, здесь имеются наброски лирических раздумий и воспоминаний, а также прозаические и поэтические зарисовки, возникшие у горной речки, «что простёрлась длинно»... Не важно, сколько проживём мы лет, Понять должны мы все одно из правил: Судьёй нам будет незабвенный след, Который мы после себя оставим.

Содержание

1		5
	Штрихи к автопортрету	5
2		8
	А у речки, что простёрлась длинно...	8
	«Где же ты, моя любовь?»	13
	Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юрий Бацуев

Сусеки

1

Штрихи к автопортрету

Первоначально были стихи. Занимался поэзией. Осознал важность в поэзии каждого слова и звучание его. Должна быть ёмкость в слове и музыкальная ритмичность в стихе. Всё должно быть значимо и к месту.

Почему поэзия? Потому что внезапность зарождения мысли располагала к поэзии. Главное, не прозевать – зафиксировать этот миг. Не полениться. А потом развивать упорно и не спеша идею, подключая ум и настроение души. Ум – мысль, душа – музыкальность. Возникает в этот момент ритмичность. Что будет далее, не ведомо. Но интересно. Самое приятное – доведение до конца. Так сказать, до полного получения продукта поэтического творчества.

Что в этом было хорошо? По своему характеру – я непредсказуем, поэтому надо было ухватить идею или даже слово, вокруг которого возникает *поле созидания. Как магнитное поле.*

Теперь я понимаю, почему Лев Николаевич Толстой содержал литературного секретаря, который должен был записывать его мимоходные высказывания. Гений знал, что гениальное порождается мгновенно, а не тогда, когда захотел, купив себе шикарное кресло и стол, и, удобно устроившись, начал думать.

Я давно понял, что и мои стихи рождаются одной строчкой, которую надо непременно зафиксировать. Опоздал – поезд ушёл. У меня даже метод свой возник стихийно: запишешь строчку – и отложишь в папку, а потом на «раздумчивом» досуге просматриваешь и ловишь себя на том, что хочется развить «эту» мысль, чтобы включить «творческий интерес». А ежели это «срывается», «миг» упущен.

Ещё в пятом классе я себя «запрограммировал», написав следующее обязательство:

Свою я не забуду Музу,
Всегда стихи буду слагать.
И никогда я не забуду
Её, как сын родную мать.
Её, как верную подругу
В душе своей буду хранить.
Служить ей буду я и всюду
Творить!

Так писались стихи... Главное, хотелось быть самим собой, не зависеть от привычных, общепринятых постулатов. Не быть в плену закоснелых понятий, особенно приевшейся пропаганды. Появились книги «Струны ковыльные» и «Нимб одиночества».

К прозе приступил поздно, хотя готовился всегда, и «пренебреженно» вёл дневниковые записи, и хранил.

Началось это в армии. Помогло то, что оказался в штабе – вечерами до поверки после ухода офицеров старался записать то, что наблюдал. Правда, контингент был ограничен – солдаты были одного возраста, что сужало «характерность». И развитие судеб было пока не

ведомо. Потом всё пригодило: «калейдоскоп армейской службы» – обобщил материал. Туда же вошли анекдоты про Никиту Хрущёва. Книгу назвал «Оттепель шестидесятых».

На основе дневниковых записей появилась и другая книга «Увидеть весь мир в крупице песка...» о геологах.

По инерции писались рассказы к книге «Покаяние агнца». Но всё это было преимущественно мемуарного характера. Настоящее прозаическое творчество начало проявляться тогда, когда была понята суть кухни прозаических произведений. Оказывается, очень интересным становится произведение, когда ты начинаешь соединять разные судьбы и характеры в единое целое, когда из всего этого зарождаются твои «герои», которые начинают жить своей жизнью, и о которых уже скучаешь и воспринимаешь как живое воплощение. Для этого моей основой стало – *откровение*. Именно откровение оживляет героев и захватывает читателя, который попадает в сферу влияния и находится в плену такого состояния.

Самыми значимыми считаю новеллы «Сашка «Пиринский» и «Дивная Ева...». Это уже не мемуары, а творческий продукт, квинтэссенция из того, что *увидел, познал и вообразил*.

Много раз перечитывал «Еву» и не верил, что это написал я. Каждый раз воспринимал по-разному. И уже не могу не перечитывать, они (герои) тянут меня. Дошло до того, что я решил «оживить» их – не хотелось расставаться – ведь они умирали у меня в конце. И я создал «**Триптих откровения**», куда вошли три самые главные, на мой взгляд, новеллы. Мои, так сказать, прозаические «перлы». В этой книжке герои «Дивной Евы...» после исцеления продолжили жизнь.

4.06.2016г

Надо заметить, что я не занимался регулярно писательством. И мне за это деньги не платили. Всё, написанное мной, являлось побочным от основных моих дел. Хотя в душе своей считал, что как раз писательство и должно быть основой моей жизни, потому что именно оно способствует моему самовыражению.

Денег я не имел за свои опусы. Книги просто раздаривал первым встречным. Хотя они стоили денег. Вот почему я считаю всё написанное мной – искренним. Так как я не зарабатывал на творчестве, и мне не обязан был никто за это платить. Другое дело творцы из Союза писателей – им же надлежало отчитываться за авансы, полученные от союза, где могли указать на несоответствие тому, что от них требовалось. И писать им приходилось то, что душе было не всегда угодно.

Я прожил две жизни. Одна официально-трудова, за которую я получаю пенсию. Другая – творческая, абсолютно безденежная, как у Ван Гога. Ведь при жизни они с братом Тео продали всего одну картину «Красные виноградники». А я не продал ничего. Может, надо начать теперь третью жизнь, посвящённую распространению своих опусов, потому что в этом процессе книги уже сами начнут свою жизнь, окажутся на виду и будут вызывать ту или иную реакцию, а не лежать в столе. Это и будет моя третья жизнь, ведь книги имеют свою судьбу – *NABENT SUA FATA LIBELLI*. И в этом мне поможет воскресший в моей жизни ИНТЕРНЕТ.

Начинать знакомство с моим прозаическим богатством, я думаю, следует с рассказов и новелл: «До» и «после», «Сашка «Пиринский», «Покаяние агнца» и, наконец, – «Дивная Ева и отрок Адам». Поэзия, само собой, стоит отдельно и, любителям этого жанра предлагается сборник стихов «Нимб одиночества». В нём отражена суть моего поэтического мира – романтика, любовь и осмысление виденного.

Новелла «Дивная Ева...» вызовет, на первый взгляд, некоторое негодование. Неожиданное проявление любовных отношений – непривычно. Но это после первого прочтения. И только потом вдруг дойдёт и осенит тебя: «А ведь эти два старца любят друг друга, хотя и своеобразно, но по-настоящему. Они восхищаются друг другом и любят. А ведь это и есть истинная любовь. «Живите и наслаждайтесь, и жизнь не будет увядать в вас, а будет только возрождаться» – кричат и зовут их души.

Убеждён, что в творчестве не надо соблюдать никаких запретов. Твори независимо, а жизнь сама отберёт, что ей надо.

Пример, Высоцкий. Ни одного стихотворения не было опубликовано при жизни. А сейчас даже «хрипят» так же, как он, хотя этого могли и не делать. Он «хрипел», потому что не мог петь иначе, а теперь не с подворотен, а прямо со сцены Кремля разлетаются все его песни и читаются стихи. А как ему хотелось увидеть книжечку со своими стихами?! Трудно представить. Но маститые и модные поэты, не говоря уже о властях, не помогли ему это осуществить. Зато теперь все примазываются к его творчеству.

2

А у речки, что простёрлась длинно...

22.05.2019г

Вышел из дома, а зонт не взял. Да и дождь-то не дождь – так, моросит едва. А вот и солнышко пробилось сквозь светло-серую мглу. Сижу в беседке на берегу горной речки у летнего «Бунгало» – пережидая морок.

А жизнь... она идёт, протекает во времени. И всё зависит от того, каким содержанием, каким настроением ты её заполняешь – значимым, или ничего не значащим. Вспоминаю, когда учился в университете, и был глубоко сосредоточен на учёбе, тогда думалось: а ведь жизнь-то вокруг меня бушует, а я в стороне. И будет так до тех пор, пока учёба не закончится. Думалось тогда, что проходит мимо тебя нечто захватывающее, а ты в стороне. А оказалось, что жизнь сама по себе колышется, не зависимо от того, учишься ты или просто живёшь. Можешь жить даже очень спокойно и размеренно – она всё равно проходит мимо своим чередом. А если ты её наполнишь чем-то беспокойным, то она и будет тревожной и беспокойной. Всё зависит от тебя и от целей, которые ты ставишь перед собой.

Пошёл вверх по руслу. Кажется, нет дождевых капель – они растаяли, и небеса уже солнечны. А вода в реке мутная и бурлящая. Прёт и прёт, бурлит и бурлит. Есть ты или нет тебя. Для неё неважно. И ты, возмущённый, остановился, достал из кармана пистолет (такое возможно в фантазиях), и... не раздумывая, стреляешь себе в висок, и падаешь. Но самое главное, вода-то бурлит и течёт себе, мутная. Ей-то что? И это здорово. Ведь жизнь продолжается. И, слава Богу, не исчезла жизнь. Это ты исчез. И хорошо, что ты не раздумывал: стрелять в себя или нет. Щёлк, и всё. Вот она суть-то... президент ты или бомж. Какая разница для жизни – тебя-то уже нет. И чего ты выпендривался, когда жил, чего-то хотел достичь? Зачем это? И Вселенная не вздрогнула, и вокруг тебя всё по-прежнему что-то происходит. И это хорошо. Успокойся, маленький тщеславный дурачок. Я не только о себе, я о любом другом. Скоро раствориться в земле и уйдёшь навсегда. Это-то и должно успокоить любого из нас.

Что из того, что, скажем, Сталин намутил в своей жизни много кое-чего? Ну, чихвостят его со всех сторон. Не дают душе в ином мире успокоиться. Лучше ли это, чем просто безвестно исчезнуть? Кто знает?.. А вода-то бурлит и бурлит, мутная вода – результат высокогорного брожения.

МУРАВЕЙ

...Маленький муравчик, не самый мелкий, но маленький. Тащит лепесток на себе. Лепесток этот – продукт семени, по-моему, дерева карагача – просто светло-жёлтая пластинка. Тащит муравей этот лепесток с середины прибрежной плитчатой дорожки. Тащит и тащит в сторону. Уже взгромоздился на бордюр, вылез с лепестком в разнотравье и несёт его через травянистый бурелом без остановки. Неужели ему не тяжело? Слежу: прёт, не снижая скорости. Где-то посреди разнотравья, наконец, сбросил ношу. И погнал себя сначала в одну сторону, потом в другую. Потом стал бегать туда-сюда. Думаю, это он хочет пристроить куда-то свой лепесток. Ничего подобного. Похоже, он уже забыл про него. Просто шарахается туда-сюда. Потом рванул в сторону, откуда пришёл. Может, ищет тот самый лепесток?.. Ни хрена, просто бегают, не раздумывая. Для чего он это делал?.. Лепестков, подобных тому, какой он тащил на себе, кругом хоть лопатой гребь. Муравейника тоже нет поблизости...

Не так ли и ты, человек, суетишься и суетишься без всякого смысла. А если и со смыслом, то бестолковым. Нужен Бог, чтобы этих «придурочных» существ хоть куда-то направить, определить.

Я думал, что муравей строит какое-то своё пристанище. Но это абсолютно не так. Просто бежал с лепестком, а потом без него. Уж хоть бы съел его, или укрылся от непогоды. Куда там?!.. Просто бегают, балбес, как и мы, порой живём не лучше его, такие же балбесы.

УТОЧКИ

4.06.2019г

Был в церкви. Поставил свечи за близких родственников. Благодарил Господа и за то, что мне лично позволил много жить, за здоровье и творческий талант. Просил, чтобы мои замыслы осуществились: чтоб книги попали в интернет на английском и русском языках.

Возвращался из церкви по речке, поднялся на плотину, воззрился окрест себя, а потом глянул вниз на воду. Там внизу плыла серенькая утка, а за ней утёнок, настолько малый, что похож был на воробышка, упавшего в воду. Зато такой шустрый. Когда утка удалялась от него, он, спохватываясь, шустро приударял за ней и, двигая быстро лапками, просто «пулей» настигал её. Потом она легко вспархивала на травянистый бережок, а он не мог подняться: крыльшки ещё были малы и слабы, а чтобы просто забежать наверх, бордюр мешал, был высок. Тогда уточка возвращалась к нему в воду, и пострелёнок снова пулей устремлялся за ней.

15.06.2019г

Поднялся на плотину и вдруг вспомнил про уточку с утёнком. Глянул вниз и не увидел, не застал их, что вполне было вероятно. Не могли же они там плавать 11 дней. И тут я ужаснулся, представляя, куда они могли подеваться, куда вообще могли исчезнуть и главное – как? Ведь утёнок был так мал. Летать не мог. Да и вообще, как они попали за плотину, не пешком же пришли? А если «пешком», то откуда?.. Летать малыш не мог, а бежать за мамой – рискованно, хоть кто мог обидеть. Тревога охватила меня...

19.06.2019г

Приснится же такое. Нахожусь где-то в каком-то «зоологическом» пригоне среди людей. Мне и моему спутнику, который рядом, и которого я ещё в лицо даже не видел, предстоит куда-то ехать. Как оказалось, на верблюдах верхом. У спутника заматерелый верблюд- великан, а мне достался молодой, но холёный. Я обращаюсь к сотоварищу: «Может, ты уступишь мне своего верблюда, ведь я никогда не сидел на таком средстве передвижения, и не представляю даже, как мне справиться с этим необъезженным гигантом?» Спутник молчит, но, похоже, не возражает. «И как же мы двинемся в путь, если у нас нет уздечек?» – снова встревожился я. Но кто-то успокоил: «Уздечки будут». И уздечки появились. Сами же мы находимся среди какого-то незнакомого скопления безликих отрешённых людей... Тут я просыпаюсь, и удивляюсь тому, что никогда раньше не встречался во сне с верблюдами, хотя видел их неоднократно наяву в пустынях. И вдруг с тревогой вспоминаю поверье: если хозяин пустыни приснится во сне, то – это не к добру, а, может, даже к смерти... «Что ж, – сокрушённо утешаю себя, – всё равно всё идёт к вечному пределу. И мне, так или иначе, пора готовиться к этому, тем более возраст подходящий» Однако я тут же прибегаю к спасительной соломинке: «Да это же бывает так, когда всадник снится верхом на верблюде, а ведь я ещё не верхом, значит, это только предупреждение». И чтобы уточнить, я собрал все сонники, какие есть в доме, и постепенно узнаю, что не так уж всё и плохо. Только в одной книжке сказано, что верблюд во сне – это просто предвестник болезни, но не смерти. А в остальных «сонниках» – и того легче – это призыв к терпению и преодолению чего-то, после чего «вас ждёт успех и даже слава». Тут уж я и совсем успокоился, так как понял, что мне теперь надо жить и терпеливо ждать своего рокового часа.

...А сейчас я уже на берегу речки, сижу на лавочке, откинувшись на спинку, заложив руки за голову и, закрыв глаза, предаюсь новым ощущениям. Вода в реке шумит неистово и монотонно, не отвлекаясь ни на что, и лишь где-то слева раздаются хаотичные скрежеты звуков, исходящих от лёгких ударов жести обо что-то неведомое, а по лицу вдруг пробегает ветерок не того порыва, который беспокоит где-то жечь, а колыхание нежных вольных струй, которые навевают спокойствие. Не хочется открывать глаза. Шум воды, и нежный фривольный полёт ветерка, тайно умиротворяющий состояние души: всё к месту, к настроению, к тихой радости от невидимого окружения. Так и сижу с прикрытыми глазами, наслаждаясь своеобразным покоем. Благодать.

... После «умиротворения», я поднялся на плотину и, вспомнив про уточку с утёнком, заглянул вниз, с сожалением подумав, что едва ли увижу своих водоплавающих птиц, так как был почти уверен, что спастись им, конечно же, не удалось. По крайней мере, утёнку. Ведь он так был мал и беззащитен, что его, наверное, кто-нибудь прикончил. Однако, окинув взглядом водоём, вдруг увидел на малюсеньком островке, вернее, на отмели у левого склона, на песчаном выступе, серенькую утку, рядом с которой, скукожившись и закопавшись в песке, сидит неподвижно утёнок. «Неужели тот самый? – обрадовался я, – хотя этот был заметно повзрослевший. – Да точно ли, это тот самый утёнок?» Пролистав тетрадь назад, я обнаружил дату, когда описывал их заплыв. Это было 4 июня. Не так уж и мало прошло времени, целых пол-месяца. Да точно это они!

Утка прогуливалась по отмели, а утёнок сидел в песочке. Но когда она углубилась в воду, он тотчас последовал за ней. Точно это он, такой ершистый, но, по-моему, летать ещё не может, хотя и повзрослел. Я так обрадовался, что последовал к ним вниз по откосному, покрытому плиткой склону. Они поплыли вдоль берега. Я спустился ещё ниже и стал наблюдать за ними. Мне хотелось удостовериться, что это точно они. Они скрылись среди зарослей, а я всё норовил не упустить их из виду. И всё-таки, как я был рад, что они уцелели. Тут много бегают собак вокруг своих хозяев – они запросто могли вспугнуть уточек. Однако те скрылись в зарослях.

20.06.2019г

На следующий день, взойдя на плотину, я тотчас окинул взглядом водную гладь в надежде отыскать уточек. И точно, они уже находились там, где я расстался с ними вчера – на отмели у левого склона водоёма. Они плавали не спеша вокруг песчаного островка. Потом малыш устремился вперёд, уточка последовала за ним. Когда зашли на островок, утка остановилась и замерла неподвижно. А утёнок вернулся в воду и стал безостановочно нырять, оставаясь под водой значительное время, выщипывая размягчённую травку, которая сверху сквозь воду просвечивалась солнечным светом.

И я вдруг понял, что они и проживают здесь, скрываясь где-то неподалёку в гуще кустов. Так как у утёнка ещё недостаточно отросли крылышки, чтобы улететь куда-то дальше. Зато отростками будущих крыл, выходя из воды, он яростно встряхивал, освобождаясь от брызг и устремляясь по направлению к матери. Люди с собаками прогуливались на мелководье в другой стороне водоёма. А уточка зорко стояла на страже, когда сынок её беспечно отдыхал рядом, зарывшись в песок.

Через девять дней я зашёл на плотину в надежде навестить «своих» уточек. Окинул взглядом гладь водоёма. Воды было предостаточно, скрыты были все островки отмели. Водное зеркало отражалось сплошной играющей в лучах солнца гладью. Уточек не было. Куда же они подевались? В правобережной части посетители резвились у воды с восторженными собаками. Глубина не позволяла им забегать в воду, а плыть не хотелось. Поэтому все находились вблизи побережья. И вдруг в противоположной части водоёма появилась из-за кустов уточка, но почему-то одна. Я был рад и этому, хотя недоумевал с тревогой, куда подевался малыш?

Со скамьи, которая находилась на плотине, поднялась знакомая мне пожилая чета геологов Пономарёвых и направилась в мою сторону. Поприветствовав их, я с тревогой указал на одинокую уточку. «Да, сейчас он один, – ответил Борис, – Недавно поднялись отсюда три утки и улетели вниз по руслу, так что вторая была среди них. На воде остался только «малыш», хотя он уже заметно подрос, но, вероятно, ещё не может летать».

Тут подошёл незнакомый прохожий и с возмущением поведал, как «вчера какой-то «мерзавец» направил в сторону уток охотничью собаку». – Я кинулся ему навстречу и предостерёг, чтобы он попрдержал свою псину, иначе я разобью булыжником не только голову собаке, но и ему. – А куда подевалась вторая уточка?» – осведомился он. «Улетела с двумя другими», – ответил Борис. Прохожий удалился, а мы ещё беседовали, да так оживлённо, что не заметили, откуда и как появилась вторая уточка. «Вот, видите, как заботятся птицы о своих детях – прилетела к детёнышу, – проговорила жена Бориса, и добавила – Я так жалею животных». Мы обрадовались и успокоились. А я понял, что за уточками наблюдают многие.

30.06.2019г

Водное зеркало за плотиной было без островков, но уток не было на просторе. Я глянул вниз, и... вот они! У стыка правого склоны и остова плотины на травянистом сгустке сидели они – мои уточки в тенёчке рядышком бок обок и наслаждались прохладой. А там, на противоположном берегу, где их местечко в зарослях, виднелся полуобнажённый человек, он лежал и загорал. Наверно, поэтому они и не плавали на своём обычном месте. Но не целый же день он будет коптиться под солнцем. Тогда-то они наверняка и вернутся к себе.

5.07.2019г.

Поднялся на плотину, и сразу увидел их. Сегодня они блаженствовали: водное зеркало было обширным и они свободно, без опаски, плавали. Утёнок вырос, стал почти как она. То и дело на обмелевшей глади он нырял, и его гуска с торчащими лапками устремлялась вверх, когда плоский клюв под водой выискивал в песчаном грунте что-то. Он так увлёкся нырянием, что продвигаясь к другой отмели, едва заметил, что утке надоело выжидать, пока он нарежется, и она поплыла в сторону заросшего острова, тут он спохватился, и кинулся следом, работая энергично в воде лапками. Догнал мать, и они спокойно скрылись за островком.

Тут я увидел братьев-близнецов, завсегдаев ежедневных прогулок вдоль речки. Два седовласых, но ещё бодрых старичка прогуливались неизменно вдвоём. Они обычно спускались со стороны мечети, когда я поднимался навстречу им, и шли до моста, затем расходились – один уходил в сторону церкви, о другой в микрорайон. Сейчас они шли вниз к плотине по левому берегу почти у самой воды, где в этот момент плавали утки. Но обнаружили они уток не сразу, и искали их взглядами. Потом, когда те показались из-за кустов, братья оживились. И я понял, что и эти люди наблюдают за уточками.

9.07.2019г

Двое суток я находился вне зоны обитания уток. В первый день я почему-то не захотел подниматься на плотину, а на второй день вообще не ходил на речку. И вот я вновь на плотине. Очертания водоёма изменились. Часть воды пустили по каналам на полив сельхозугодий. За плотиной местами распластались отдельные островки. Воды стало меньше. Я, как всегда, высматривал своих уточек, но не находил. Естественно, стал смотреть вниз, заглядывая в знакомый мне сегмент суши, обросшей травой, где в последний раз укрывались уточки от зноя. Сразу, напрямую, их не было видно. Тогда я попытался сначала перегнуться через перила, чтобы детально разглядеть «сегмент травянистой суши», и тут обнаружил светло-серое пятно, которое едва просматривалось среди травы. Я стал внимательнее вглядываться, но торчащих головок с клювами не обнаруживалось. Я пошёл дальше по плотине и даже вышел на левый

берег, по ходу с разных мест приглядываясь к исследуемому «сегменту». Вспомнил вдруг студента Овдина, который был близорук, но чтобы разглядеть уравнения на доске, соединял две пары пальцев обеих рук, образуя таким образом своеобразный «микроскоп» – маленькое отверстие, сквозь которое вырисовывались детально предметы и даже буквы. Действительно детали «сегмента» теперь просматривались чётко. И мне даже вырисовались два тёмно-серых пятна, которые я представил искомыми уточками, прижавшимися друг к другу. Но как бы я не ухитрился видоизменить оконце моего микроскопа, головок птиц я не различал. И каких-либо движений не улавливал. Зато мне на сто процентов хотелось быть уверенным, что это они там, мои уточки, укрылись под травой и что это их серенькие тельца, прижатые друг к другу, отдыхали от полуденного зноя. Мне так этого хотелось, что я просто поверил в это, и, успокоившись, направился

домой...

Через три дня Пономарёвы сказали мне, что «малыш встал на крыло, и вчера уточки взлетели вместе».

А вскоре я «ни с того и ни с сего» заболел. Меня качало из стороны в сторону, слабость одолевала невероятная, я едва держался на ногах. Безнадёжно-гнетущие ощущения надвигающейся смерти посещали меня то и дело. Давление колебалось в самых нижних пределах. Оказалось, что в моём организме катастрофически снизилось содержание гемоглобина. Тогда-то я и вспомнил сон с верблюдами, тот сон оказался «вещим». Только через месяц я пришёл в себя и стал снова появляться на речке. А желания мои, пока я болел, тоже осуществились: книги попали в интернет – и на английском языке, и на русском.

«Где же ты, моя любовь?»

9.08.2016г

Намерен был, как всегда, совершить моцион у речки, и вдруг спонтанно, когда ещё ехал в автобусе, решил посетить церковь. Даже сам удивился такому решению. Но это было кстати. Надо было поставить свечи за благополучие близких людей и за успех моих внучек, которые поступали в институт искусств и ожидали результатов зачисления их на грант. В кармане моём набралось изрядно мелочи, я взял пять свечек, а остальные монеты предложил служительнице поменять на бумажные деньги. Купюру в двести тенге я тут же опустил в ящик пожертвования. Осталась у меня вторая двухсотка и мелкие монеты. Но, когда я трижды перекрестившись, вышел за ворота церкви и, накинув свой картуз на голову, воззрился на небо, то ни прямо передо мной, ни всюду в небесах, даже над горами, не было ни одного облачка. Машинально я залез в карман куртки, и совершенно неожиданно моя рука загребла монет ещё на двести тенге, словно я полчаса назад не пытался избавиться от неё. «Ничего себе, – подумал я, – чистое небо, да ещё и горсть монет. Не так, однако, печальна жизнь, как порой нам кажется, иногда стоит порадоваться и житейским мелочам».

Я пошёл в сторону реки в бодром настроении, где, выбрав в тенёчке удобный валун, не замедлил описать происшедшее со мной маленькое чудо.

...У спортивных снарядов один физкультурник руками бил по мячику, который на резинке был укреплен к шапочке у него на голове. От ударов мячик отлетал в разные стороны, но руки виртуозно отбивали его. Видимо, «жонглёр» вырабатывал реакцию.

Я пошёл вверх по руслу и, удалившись на приличное расстояние от физкультурника, облокотившись на перила, стал смотреть на воду, которая каскадами скатывалась вниз. Денёк, как я упоминал выше, выдался хороший – по-прежнему не было ни одного облачка на небе, вода в реке чистая, голубоватая. Монотонный шум реки, завораживая, не отпускал меня. Вспомнилась речка Казачка, она высоко в горах впадает в реку, которая доходит сюда. Наверное, потому и вспомнил момент, когда в 58 году, почти 60 лет назад, я ехал верхом на коне по ущелью Казачка. Почему-то ехал один, хотя маршруты положено совершать вдвоём. Наверное, надо было проехать вверх и просто отобрать в верховьях реки пробы воды из родников, впадающих в Казачку. Всплыли воспоминания. Мы тогда стояли в ущелье Большой Алмаатинки как раз напротив второй ГЭС на сопке, покрытой елями. Там мы расположились лагерем на время, пока совершались маршруты в заданном районе.

Вечером, пользуясь тем, что рядом посёлок, мы пошли на танцы в клуб. И хотя в отряде находились девушки – практикантки из Миасского техникума, в тот вечер мы оказались на танцах без них. И, разумеется, резко выделялись среди местных парней. В основном здесь были балкары, переселённые с Кавказа. Их парни здесь ухаживали за русскими девчонками, своих-то на люди не выводили – не положено. В тот вечер на танцах я познакомился с местной девушкой, пошёл её провожать. Помню, сидели с ней на брёвнах развлекали друг друга, рассказывая наиболее примечательные моменты из жизни. Разумеется, обнимались и целовались.

На следующий вечер снова появились на танцах. И почти у каждого из нас была местная девушка. Балкарские парни, конечно же, не могли смотреть на это спокойно. Ко мне подошёл один из них и спрашивает: «У тебя серьёзные намерения насчёт Тани?» – Да, конечно, – отвечаю я, хотя совсем ещё не имел никаких намерений. «Ну, ладно, – сказал парень, – смотри, не дури с ней». Я обещал. Но им, наверное, не хотелось выжидать и наблюдать, как наши ребята уводят из-под носа местных девчат. Перед концом танцев – они спровоцировали скандал. Не успели мы выйти наружу, как они двинулись на нас толпой. Хорошо, что среди нас оказался Коля Беляев – бывший детдомовец – удивительно коммуникабельный и миролюбивый человек. Едва мы унесли в тот вечер ноги, такова была их нетерпимость к чужакам. «Серьёзных»

отношений я тогда вообще ещё не планировал. Мне нравилось быть холостяком. К тому же в нашем лагере была девушка из Миасса, которая мне нравилась. С ней бы я наверняка задумался о «серьёзных отношениях». Так она была мила и желанна мне. Но я приехал в отряд слишком поздно, и чувства мои не успели проявиться, и девушки-студентки вскоре уехали – закончилась практика. Осталась в памяти только песня, которую они пели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.